

Оглавление

ГЛАВА 1. Гневливый сосед	3
ГЛАВА 2. Продал на скорую руку — жди долгую муку.	16
ГЛАВА 3. Мистер Харрисон у себя дома	24
ГЛАВА 4. Разные мнения	34
ГЛАВА 5. Настоящая учительница	41
ГЛАВА 6. Мужчины... и женщины во всем их многообразии	50
ГЛАВА 7. Дела насущные	65
ГЛАВА 8. Марилла забирает близнецов.	72
ГЛАВА 9. Проблема цвета	84
ГЛАВА 10. Дэви в поиске сенсации	93
ГЛАВА 11. Факты и фантазии	106
ГЛАВА 12. Черный день	118
ГЛАВА 13. Золотой денек	128
ГЛАВА 14. Предотвращенная беда	142
ГЛАВА 15. Начало каникул	158
ГЛАВА 16. Надежда на важные вещи.	168
ГЛАВА 17. Глава, полная неожиданностей.	177
ГЛАВА 18. Приключение дороге Тори	191
ГЛАВА 19. Просто счастливый день.	204
ГЛАВА 20. Дела обыденные	218
ГЛАВА 21. Милая мисс Лаванда	229
ГЛАВА 22. Всякая всячина	245
ГЛАВА 23. Роман мисс Лаванды	251
ГЛАВА 24. Пророк в своем отечестве.	261
ГЛАВА 25. Скандал в Эйвонли	272
ГЛАВА 26. За поворотом.	288
ГЛАВА 27. Вечер в каменном домике	303
ГЛАВА 28. Принц возвращается в заколдованный дворец	318
ГЛАВА 29. Поэзия и проза	332
ГЛАВА 30. Свадьба в каменном домике	340

*Весенние цветы к ногам твоим прильнули,
И мир обрел сиянье красоты...*

Джон Гринлиф Уиттьер¹

Глава 1

ГНЕВЛИВЫЙ СОСЕД

Высокая, стройная девушка «шестнадцати с половиной лет» с серьезными серыми глазами и волосами, цвет которых друзья называли каштановым, села на широкую ступеньку из красного песчаника фермерского дома на острове Принца Эдуарда с твердым намерением разобрать большой отрывок из Вергилия.

Но в такой августовский день, ближе к закату солнца, когда синяя дымка заволакивает поля на склонах, легкий ветерок озорно перешептывается с листвой тополей, а среди поросли юных елочек в углу вишневого сада вспыхивают яркими огоньками маки, хочется мечтать, а не погружаться в тексты на мертвых языках. Скоро Вергилий соскользнул с коленей Энн, а она сама, подперев руками подбородок, устремила взор на пышные клубы облаков, сбившихся большой горой над домом мистера Харрисона. Мысли ее унеслись в прекрасный мир, где некая учительница творит чудеса, выра-

¹ Джон Гринлиф Уиттьер (1807—1892) — американский поэт, аболиционист.

шивая из учеников будущих государственных деятелей и сея в юных сердцах и умах семена высоких и благородных устремлений.

Однако, если спуститься с небес на землю, что Энн делала редко, можно с уверенностью сказать, что вероятность того, что школа в Эйвонли сможет гордиться знаменитыми выпускниками, была близка к нулю. Хотя никогда не знаешь, чего может достичь учитель, употребивший во благо свое влияние на учеников. В мечтах Энн представила, как много может дать детям учитель, избрав правильный курс, и перед ее мысленным взором возникла восхитительная картина... Лет эдак через срок один очень известный человек... Энн еще не решила, в какой области он прославится, — хорошо, если будет президентом знаменитого колледжа или канадским премьер-министром... припадает к ее морщинистой руке, заверяя, что всего в жизни он добился благодаря ей, что это она посеяла в нем честолюбивые устремления много лет назад. Это приятное видение было оборвано самым неприятным образом.

Во двор вбежала, словно спасаясь от кого-то, джерсейская корова, а через несколько секунд появился и мистер Харрисон. «Появился» — это мягко сказано, учитывая, что во двор он просто вторгся.

Мистер Харрисон перемахнул через забор, даже не подумав о существовании калитки, и предстал, пылая гневом, перед удивленной Энн, которая к этому времени поднялась и стояла, в растерянности глядя на нежданного гостя. Мистер Харри-

сон был их новым соседом справа, но Энн не была с ним знакома, хотя пару раз видела издали.

В начале апреля, когда Энн еще не вернулась из Королевской Академии, мистер Роберт Белл, чья ферма на западе граничила с усадьбой Катбертов, продал свою землю и переехал в Шарлоттаун. Ферму купил некий мистер Дж. Эй. Харрисон, о котором было известно только то, что он из Нью-Брансуика. Не минуло и месяца его водворения на новое место, как прошел слух, что человек он странный... «чокнутый», как называла его миссис Рейчел Линд. Миссис Рейчел за словом в карман не лезла — и это никогда не забудут те из вас, кто успел с ней познакомиться. Мистер Харрисон, несомненно, отличался от других людей, а ведь это, как известно, дает полное право окружающим считать такого человека «чокнутым».

Прежде всего, он самостоятельно вел хозяйство, открыто заявив, что не хочет иметь ничего общего с теми дурочками, которым придет в голову его опекать. Женская часть Эйвонли, полная желаний отомстить грубияну, стала распространять жуткие истории про то, как отвратительно он содержит дом и стряпает. Новый житель взял в помощники юного Джона Генри Картера из Уайт-Сэндз, от него и пошли рассказы о житье-бытье на ферме. От Джона Генри узнали, что в доме мистера Харрисона нет определенных часов для приема пищи. Проголодавшись, мистер Харрисон просто «перекусывал», чем придется, и, если Джон Генри оказывался поблизости, ему тоже кое-что перепада-

ло, а если нет, то несчастному приходилось ждать, когда хозяин проголодается снова. Джон Генри со слезами на глазах признавался, что умер бы с голоду, если б по воскресеньям не ездил в родной дом и не наедался там до отвала, а мать не давала бы ему с собой по понедельникам корзину со всякой всячиной.

Что касается мытья посуды, мистер Харрисон не утруждал себя такой чепухой, а ждал дождливого дня, и тогда сваливал всю грязную посуду в бочку с дождевой водой, потом доставал ее оттуда и оставлял сохнуть. Также мистер Харрисон был тот еще «жмот». Когда к нему пришли с подписным листом на жалование священнику мистеру Аллену, он ответил, что сначала посмотрит, чего стоят его проповеди — kota в мешке покупать он не собирается. А когда миссис Линд обратилась к нему с просьбой сделать взнос на миссионерскую деятельность (заодно получив возможность осмотреть дом изнутри), он сказал, что среди старых сплетниц в Эйвонли больше язычниц, чем где бы то ни было, и, если б миссис Линд взялась за благочестивое дело по обращению их в христианство, он с радостью пожертвовал бы на это деньги. Миссис Линд сочла за лучшее поскорее удалиться и потом говорила, какое счастье, что бедная миссис Роберт Белл не видит из могилы, во что превратился дом, который был ее гордостью: этого зрелища ее сердце не выдержало бы.

— Она каждые два дня драила пол в кухне, — рассказывала миссис Линд Марилле Катберт с не-

годованием в голосе. — А посмотрели бы вы теперь на этот пол! Когда я ступала по нему, то приподнимала юбку, чтобы не испачкаться.

В довершение всего мистер Харрисон приобрел попугая и назвал его «Рыжий». Прежде никто из жителей не заводил попугая, и потому все сочли такое приобретение признаком распущенности. А попугай был тот еще типчик! Если верить словам Джона Генри, другой такой бесстыжей птицы днем с огнем не найдешь. Ругался попугай как боцман. Миссис Картер сразу забрала бы сына из этого дома, если б знала, что сумеет найти ему новое место. И еще однажды Рыжий, когда Джон Генри наклонился рядом с клеткой, пару раз больно ущипнул его за шею. Когда незадачливый юнец приезжал по воскресеньям домой, миссис Картер всем показывала оставшуюся отметину.

Все эти случаи промелькнули в голове Энн при виде стоящего перед ней мистера Харрисона, утратившего от ярости дар речи. Даже когда мистер Харрисон находился в благожелательном расположении духа, его трудно было назвать красавцем. Сейчас же толстый лысый коротышка с пылающим от гнева круглым лицом и выпученными бесцветными глазами показался Энн самым уродливым существом на свете.

Наконец мистер Харрисон обрел дар речи.

— Я этого больше не потерплю, — взорвался он, брызгая слюной. — Ни дня больше не потерплю! Слышите, мисс? Клянусь, это уже третий раз... третий раз! Мое терпение иссякло, мисс. Я предупре-

ждал вашу тетю, чтоб этого больше не было... и вот опять. Хотел бы я знать, чего она добивается? За этим я и пришел, мисс.

— Прошу, объясните мне, что вас так взволновало? — произнесла Энн миролюбиво и с большим достоинством. Подобный невозмутимый тон она сознательно выработала за последнее время и по возможности практиковала, чтобы к началу учебного года он был у нее отточен до совершенства. Но на разгневанного мистера Харрисона он не произвел должного эффекта.

— Взволновало? Да уж, взволновало, не то слово. А что вы думали? Эта джерсейская корова вашей тети снова топталась в моем овсе. Я увидел ее полчаса назад. И это уже в третий раз. Первый раз — в прошлый вторник, второй — вчера. Я приходил к вашей тете с требованием лучше присматривать за коровой. Потребовал, чтобы больше такого не было. И вот — опять. Позовите вашу тетку, мисс. Я хочу посмотреть ей в глаза и высказать все, что думает о ней Дж. Эй. Харрисон.

— Если вы говорите о мисс Марилле Катберт, знайте, что она мне не тетя и сейчас находится в Ист-Графтоне, куда поехала, чтобы навестить тяжелобольную дальнюю родственницу, — сказала Энн, отчеканивая с еще бóльшим достоинством каждое слово. — Мне очень жаль, что моя корова забрела в ваш овес. Корова принадлежит мне, а не мисс Катберт — ее три года назад подарил мне Мэтью. Тогда она была еще теленочком, и Мэтью купил ее у мистера Белла.

— Что мне от вашей жалости, мисс? Лучше пойдите и посмотрите, что ваше животное сотворило с моим овсом! Она вытоптала все поле — и посреди, и по краям.

— Мне очень жаль, — твердо повторила Энн, — но, возможно, будь ваш забор в приличном состоянии, Долли не смогла бы проникнуть внутрь. Вы отвечаете за ограждение, отделяющее наше пастбище от вашего поля с овсом, и я на днях обратила внимание, что ограда оставляет желать лучшего.

— С моей оградой все в порядке, — окрысился мистер Харрисон. За все время ведения боевых действий на территории противника это была самая сильная вспышка его гнева. — Этого демона в обличье коровы и тюремные стены не остановят. И вот что я вам скажу, рыжая колючка, если корова действительно ваша, то приглядывайте за ней лучше, чтоб она не шастала по чужим полям. Это дело достойнее чтения взхлеб бульварных романов. — И он бросил презрительный взгляд на невинный томик Вергилия в коричневом переплете у ног Энн.

Энн всегда болезненно воспринимала упоминание о цвете ее волос.

— Лучше быть рыжей, чем лысым с несколькими волосками за ушами, — вспыхнула девушка.

Удар попал в цель: для мистера Харрисона не было ничего оскорбительнее упоминания о лысине. Гнев нахлынул на него с новой силой, и он молча сверлил взглядом Энн, которая снова обрела спокойствие и продолжила закреплять преимущество в поединке.

— У меня есть воображение, мистер Харрисон, поэтому я могу посмотреть на эту ситуацию вашими глазами. Большое испытание — видеть, как в твоём овсе разгуливает корова, и я не обижаюсь на ваши гневные слова. Обещаю, что Долли никогда больше не вторгнется в ваши владения. Даю вам честное слово.

— Да уж проследите, чтоб так и было, — пробормотал мистер Харрисон, смягчив интонацию, но, уходя, он так сердито бурчал себе под нос, что было видно — гнев его не оставил.

Расстроенная Энн пересекла двор и отвела свое-нравную корову в загон.

— Вряд ли она отсюда выберется, разве что ограду снесет, — размышляла она. — На вид корова сейчас спокойная. Наверное, утомилась в овсе. Надо было продать ее мистеру Ширеру на прошлой неделе, когда он этого хотел. Тогда я подумала, что лучше дождаться аукциона и продать ее вместе с остальными. А мистер Харрисон и правда чокнутый. Его уж точно не назовешь родственной душой.

Энн всегда старалась разглядеть в людях родственную душу.

В этот момент во двор въехала Марилла Катберт, и Энн побежала ставить чайник. За чаем они обсудили этот случай.

— У меня душа успокоится после аукциона, — сказала Марилла. — Трудно держать столько скотины, когда за ней некому ухаживать, кроме нерасторопного Мартина. Кстати, он так и не вернулся, хотя обещал быть еще вчера. Я отпустила его на по-

хороны тетки, и он клятвенно обещал за день уложиться. Ума не приложу, сколько же у него теток. За год, что он у нас работает, уже четвертая на тот свет отправилась. Скорее бы собрать урожай и передать дела по ферме мистеру Барри. До возвращения Мартина придется держать Долли в загоне, а потом перевести на дальнее пастбище, но там надо будет укрепить ограду. Вся наша жизнь состоит из одних проблем, так говорит Рейчел. Золотые слова. Бедняжка Мэри Кит умирает, и непонятно, что делать с ее двумя детьми. У нее есть брат, он живет в Британской Колумбии. Она написала ему, но ответа не получила.

— А что за дети? Какого возраста?

— Шесть с небольшим. Они близнецы.

— У миссис Хэммонд не раз рождались близнецы, я к ним привыкла и полюбила! — возбужденно воскликнула Энн. — А они хорошенькие?

— Ну... трудно сказать. Очень уж чумазые. Дэви лепил кулича из грязи, и Дора вышла позвать его. Дэви первым делом толкнул ее лицом в кулич — тот, что побольше, а когда она заревела, измазался сам и стал валяться в грязи, показывая, что причин для плача нет. Мэри сказала, что Дора — примерная девочка, а вот Дэви большой шалун. Его никто не воспитывал. Отец умер вскоре после их рождения, а Мэри почти сразу же заболела.

— Мне всегда жалко детей, воспитанием которых не занимались, — грустно проговорила Энн. — Я тоже была из таких, пока не попала к вам в руки.